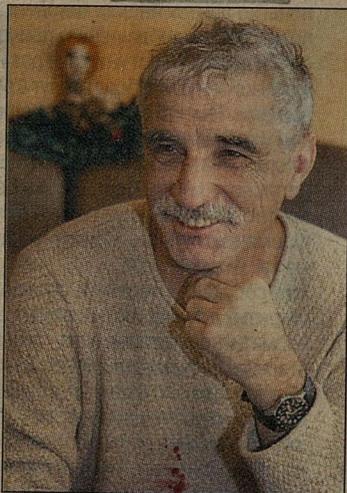

Гость «НИ»

ИГОРЬ ИРТЕНЬЕВ:

«Я графоман в высоком смысле слова»

Михаил Поздняев,
Анатолий Морковкин (фото)

Брать интервью у знаменитого «поэта-правдоруба» непросто: ведь он – человек нашего же газетного рода-племени. За авторскую колонку в одном из интернет-изданий Игорь Иртеньев был отмечен премией Союза журналистов РФ «Золотое перо». Газетные публикации Иртеньева часто переводятся на иностранные языки, выходят в виде книг. Вот и сейчас он собирается сбежать из Москвы для работы над однотомником «газетных» стихов.

– Игорь, не устали от режима нон-стоп? Не хочется сделать паузу?

– И скушать «Твикс»?

– Хотя бы.

– У меня вынужденные паузы бывают летом, когда я куда-то еду в отпуск, и на рождественские каникулы, когда газеты не выходят. Мне этого достаточно. В остальное время у меня, как у собаки Павлова, действует слюновыделительный рефлекс. Приходит момент, и легкий непокой охватывает мою душу, и я бегу к компьютеру, как курица, которая должна снести яйцо в назначенный момент. – Я недавно с вашим тезкой – поэтом Игорем Губерманом – говорил, так он сказал, что в принципе в мире нет ничего, над чем не стоило бы посмеяться.

– Категорически не согласен. Попробуй посмеяться над смертью ребенка, тем более сотен детей... Да нет. Я думаю, это такая максима у Игоря, и, как любая максима, не стопроцентная.

– Правильно, значит, написал Евтушенко в преамбуле к вашей подборке в томе «Строфы века», что вас бог миловал от зубоскальства. А в новом веке ваше собственное качество юмора как-то изменилось?

– Сильно прибавилось горечи в этот раствор в связи с ситуацией, которую даже нет нужды комментировать. Юмор вообще-то вещь алмазная, драгоценная, не натужная: сыплется из тебя свободно – и прекрасно. К сожалению, сейчас у меня алмазные копии отошли на второй план, уступив место вещам, не всегда обладающим несомненными поэтическими достоинствами, прямолинейным, пафосным, что мне раньше совсем не было свойственно. Хотя я по-прежнему рад любому поводу улыбнуться, если это не идиотская улыбка, не «Аншлаг»...

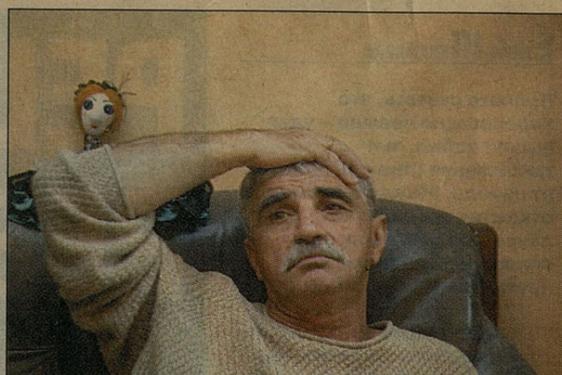
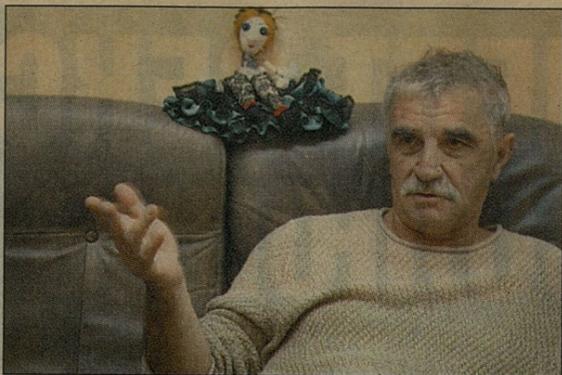
Окончание на стр. 18–19

КУРСЫ ВАЛЮТ ДОЛЛАР США — 29.22 РУБ., ЕВРО — 35.94 РУБ. ПО ОФИЦИАЛЬНЫМ ДАННЫМ ЦЕНТРОБАНКА РОССИИ.

Новое Известия - 2004 - 8 окт - с. 1, 18-19.

Иртеньев Игорь

08.10.04

«Я ГРАФОМАН В ВЫСОКОМ

Окончание. Начало на стр. 1

– Тот же Губерман мне сказал, что «Аншлаг» настолько по ту сторону добра и зла, что лично его это как-то не касается. Вас тоже не касается ситуация с ребячьим юмором, которому рукоплещет вся страна?

– Не касается. Я давно уже говорил, что с Региной Дубовицкой совершенно бессмысленно бороться, надо просто свернуть знамена и под барабанный бой уйти на какую-то свою территорию. Замысел министра культуры прикрывать «Аншлаг» не только недемократичен, поскольку направлен поперек народных симпатий, но и смешон: это никак не добавит народных симпатий министру и его культуре. Ну и потом, просто вредно для души бороться с пошлостью, с глупостью. Надо противопоставлять нечто свое и развивать эту оппозицию эстетическую.

– А с народными симпатиями как быть? Ведь народные симпатии долгое время были никак не на стороне «Регины и ее команды».

– Да нет, почему же... Народ всегда любил соленую шутку про несварение желудка. Это близко народным чаяниям. Еще откуда дети берутся – горячо любимая народом тема. Народ все больше живет нижней половиной – получите соответственный юмор. Все логично.

– И то, что Михаил Евдокимов из «Аншлага» подался в губернаторы, – логично?

– Миша большой делегата, давно занимался бизнесом, с «единцовскими» дружил. Он природно умный, хваткий русский мужик. Другое дело – насколько он будет себя комфортно чувствовать в масштабе Совета Федерации. Думаю, что будет... Я про эту историю с его губернаторством написал такие стихи:

*И пусть прикидывался слангом
и мордой красной всех смешил,
но все же завязал с «Аншлагом»
и дальше двинуться решил,
оставив вечную Регину
с бродячим цирком м...ков
шутить с экрана про вагину
вплоть до скончания веков.*

Думаю, для Евдокимова переход из шутов в политику не просто логичен – единственно верен...

– А что, по-вашему, заставило податься в шутовскую свиту Регины людей, при первом взгляде на которых понятно, что они другого поля ягоды?

– Деньги бешеные, больше ничего. Вы правы, взглянув на Клару Новикову или Фиму Шифрина, даже не будучи с ними знакомым (а я как раз знаком), не возникает сомнений в их интеллигентности, в том, что они читают серьезную литературу. Но игра на деньги диктует иные правила...

В лучших стихах я не знаю, когда рванет

– Вчера сидел, думал, про что говорить, и понял, что по большому счету у вас был один предшественник, Владимир Владимирович Маяковский. Для которого едва ли не большим удовольствием, чем книга, «кубический кусок горячей, дымящейся совести», по формуле Пастернака, была горячая газетная полоса...

– Между прочим, возникла идея издать мои стихи, которые вышли за

три года в «Газете», отдельной большой книжкой. И чтобы подбожить сделанное, и вместе с тем это будет бесплатный для подписчиков «манок». Вы говорите, Маяковский, но там, кроме него, было много актуальных стихотворцев: Михалков, Сурков, Жаров и еще такой, не к ночи будет помянут, Николай Энтелис, который в «Правде» долбал врагов дела мира. Эти ребята себе и деткам на газетных стишках не одну дачу построили...

– Но мы ведь говорим о настоящих поэтах, которым, кроме «свежестираной сорочки, ничего не надо».

– В этом смысле и Владимир Владимирович маленько лукавил. Нам известно происхождение знаменитой «лесенки»: в «Известиях» платили за каждую строчку. Да и он одним из первых в СССР купил иномарку.

– «Рено».

– Вот именно... Во-первых, «поэт в газете» – все-таки работа. Не будем хитрить. Если я получаю деньги в газете – у меня есть так называемая отработка. Две колонки в неделю в «Газете». Плюс в «Новой газете» один-два стишка в неделю. Плюс еще «Плавленный сырок», передача с Шендеровичем на радио «Эхо Москвы». Для меня такой темп нормальный.

– Это графомания?

– В высоком, надеюсь, смысле. Так, скажем, Александр Кушнер пишет, по принципу

«ни дня без строчки», так писал Борис Слуцкий, наш с вами приятель Володя Салимон всю жизнь ведет бесконечный лирический дневник... Был, кстати, в Польше такой поэт, Александр Корн (или Керн), который сорок лет писал маленькие лирические стихи в каждый номер газеты... Какую роль тут играет материальное вознаграждение? Черт меня знает, перестань мне платить – и, наверное, было бы тяжело держать этот ритм. Другой вопрос, что мне довольно трудно стало сочинять: ведь нужен некий повод, а сейчас из воздуха взять повод сложно, а информация все больше фильтруется.

– Приходится напрягаться?

– Во-первых, во мне все больше закипает гражданская злость.

Все-таки я успел отвыкнуть от того, чтобы надо мной стоял дядя и говорил мне, что можно, а что нельзя. При том, что я понимаю главного редактора, который какой-то особенно острый текст не может напечатать, потому что он в ответе за людей. Я написал – и гуляй, Вася, а ему кормить коллектив. Но тем более мне это неприятно.

– Часто стихи не проходят в печать?

– Все чаще. И тем я злее становлюсь. Тем яснее мне становится, что я на каждом сантиметре должен делать все, чтобы его не отдавать. Нельзя кормить людей собой. Потому что получится людоедство.

– Несколько минут назад гордо прозвучало имя Сергея Владимировича Михалкова. Вы помните, у него в «Фитиле» все начиналось с фанерной коробочки, к которой такой фитилек идет. Сочиняя стихотворение, вы чувствуете этот фитилек, его длину, тот момент, когда должно рвануть?

– В лучших своих стихах я не знаю, когда и как рванет – это для меня всегда загадка. Замысел может перевернуться полностью. Но бывает, лукавить не буду, что я с самого начала знаю концовку. Ремесло срабатывает. Интереснее, конечно, если хочешь спасти младенца, а приходится его топить, грубо говоря. Когда не тема, а какая-то более высокая сила тебя ведет, и эстетика превозмогает этику.

На этом, собственно, поэзия и держится.

Читатель думает, что я погонщик слонов

– На чем держался легендарный клуб «Поэзия», о котором хранят самые теплые воспоминания люди 80-х и ничего не знают молодые?

– У нас была общей не эстетическая, а скорее социальная задача. Эстетически – там царил чрезвычайный разброс: от «зауми» до внятной «шестьдесятнической» лирики. А там в основе лежала весьма прозаическая идея: выступать, зарабатывать деньги, на эти деньги издавать книжки, чтобы не связываться с Союзом писателей. Благодаря нашему клубу появились первые частные издательства, была введена практика издания книг за свой счет. Самое интересное, что мы так ничего и не выпустили: деньги собрали, но они куда-то пропали, а уже у всех к тому времени вышли свои книги, рухнула советская власть. А как только рухнула власть, рухнул и Союз писателей, с которым мы воевали. Распался и клуб. А мы остались.

– Увы, не все. «Иных уж нет, а те далече». Но была среди вас звезда первой величины, о которой мало кто сегодня помнит. Про Нину Искренко расскажите.

– Ох... Про Нину – готов на каждом углу и при первом удобном случае. Потому что это было самое выдающееся явление в нашем поэтическом поколении. Среди нас были прекрасные поэты, состоявшиеся, серьезные, глубокие, но Искренко была, безусловно, безмерно талантлива. Ей было все подвластно, и щемящая лирика, от которой просто сочилась рана в сердце, до жестких иронических стихов, с использованием ненормативной лексики, до таких жутких, как знаменитая «Сексуальная пятиминутка»:

*Он взял ее через пожарный кран –
И через рот посыпался гербарий...*

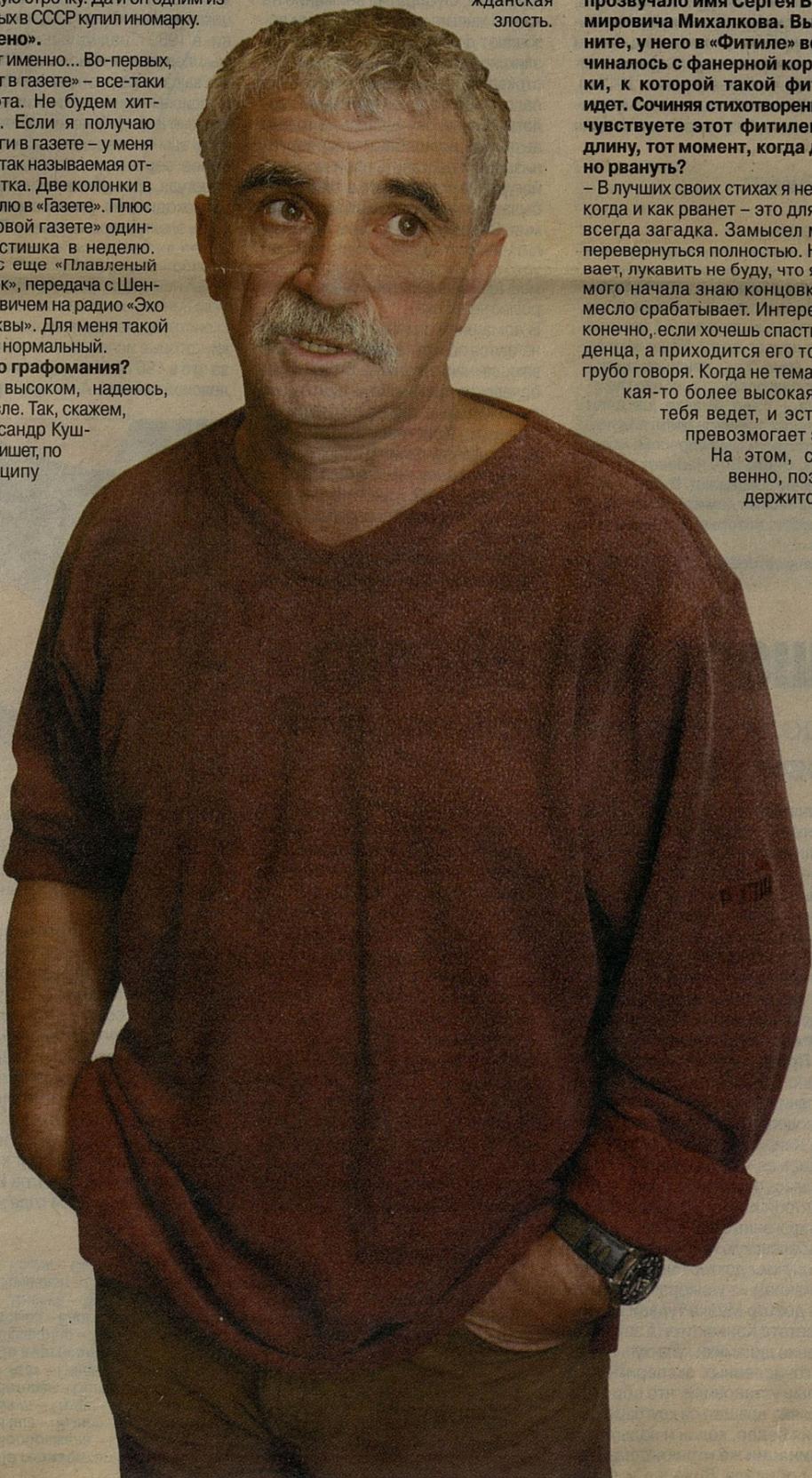
Непонятно, как это могла женщина написать. А может быть, могла написать только женщина, но абсолютная – праженица как бы. Нина была душой клуба, постоянно придумывала какие-то хеппенинги, даже тогда, когда все мы знали, что она обречена. Мы уже не были склонны к такого рода литературным играм, но собирались и устраивали всякие хулиганства – для нее. Нина – явление сегодня обиднейшим образом недооцененное. Что с этим делать, я не знаю. Это очень российская история, так со многими было, когда слава к человеку приходила много лет спустя после смерти. Надеюсь, что время славы Нины скоро придет. За границей про нее давно диссертации пишут. И страна должна знать своих героев.

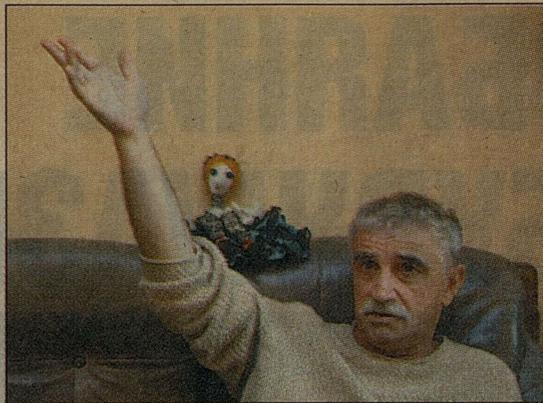
– У вас есть обратная связь с читателями?

– Главным образом через Интернет. На мой сайт приходят письма, самые разнообразные. Вот такое недавно пришло. «Дорогой Игорь! Хотелось бы узнать о вас подробнее, кто вы, чем занимаетесь...»

– Хотя там, на сайте, биографическая справка есть.

– Ага. Но может, эта девушка думает, что я погонщик слонов... Или такое письмо: «Обожаю ваши стихи, они мне строить и жить помогают. Скажите честно: вы еврей?» В зависимости от моего ответа он решит, в какой степени помогают... Еще такое: «Здравствуйте, Игорь.

СМЫСЛЕ СЛОВА»

Простите, если мой вопрос затянется, но дело в том, что я ваш давний читатель и столь же давний почитатель. И вы, как человек, являетесь для меня непререкаемым авторитетом. Теперь вопрос. Игорь, считаете ли вы себя народным поэтом или вы поэт сам по себе? Этот вопрос не высосан из пальца, напротив, он очень важен для меня, и вот по какой причине: я сам не могу решить, с народом я или сам по себе. Надеюсь, ваш ответ окончательно ориентирует меня в этой жизни или круто изменит мой взгляд на действительность». Я этому человеку ответил: «Спасибо за письмо. Признаться, смущен. Не хотелось бы быть непререкаемым авторитетом ни для кого. Что касается ответа на ваш вопрос – будучи человеком, надеюсь, психически здоровым, не могу добровольно поставить себе диагноз «народный поэт». В крайнем случае, согласен на «совесть нации»...»

– **А к стати, по поводу «чем вы занимаетесь?».** У вас в прошлом году вышла книжка эссе «Народ. Вход-выход», составленная из еженедельных колонок, которые вы два года вели в «Газете.ru». А сейчас вы в каких-то жанрах, помимо стихотворного, работаете?

– Скоро предстану в качестве автора мюзикла. Исполняется 75 лет кинокомедии «Веселые ребята», и Максим Дунаевский решил почтить память своего отца. Мы с Вадиком Жукот написали либретто и 15 песен в добавление к тем пяти Дунаевского-старшего, которые звучат в фильме. Режиссер – остро мыслящий человек, с большим послужным списком таких постановок, как «Борис Годунов» в «Ла Скала», Виктор Крамер. Продюсером выступила Ира Апексимова, которая также занята в спектакле как актриса, а в главных ролях Ира Богушевская и Дима Харатьян. Вовсю идут репетиции, на 26 ноября назначена премьера. Мне это было вновь, весело, интересно и легко, и я надеюсь еще поработать в этом жанре.

– **У вас есть такой старый прозаический текст «Интервью». Про то, как вы, будучи главным редактором журнала «Магазин», решили взять интервью у своего заместителя, непонятно чем занимающегося на рабочем месте.**

– Надо же. Я про этот текст совсем забыл...

– **А я, готовясь к встрече, заглянул на ваш сайт. И хочу задать вопрос, который вы в этом рассказе задаете. Скажите, Игорь, вам приходилось принимать участие в боевых действиях?**

– Мне приходилось нередко получать по морде и давать по морде. Наверное, это можно расценивать как боевые действия, но пули в этот момент надо мной не свистали. То есть скорее надо говорить о рукопашной.

– **И партизаном или диверсантом себя никогда не чувствовали?**

– Давно – с середины 80-х, когда бля статья Конституции СССР вовсю действовала и сама советская власть еще не была отменена. И ты выступал, допустим в Политехническом, и чувствовал, как будто ступаешь на тонкий лед. Легкое тремоло внутри было: понятно, что не посадят, но и добром это для тебя может не кончиться. Генетическая память срабатывала... Чем-то очень похожим повеяло, когда я недавно

Игорь Иртеньев родился в Москве в 1947 году. Окончил заочное отделение Ленинградского института киноинженеров, 20 лет работал на телевидении механиком по обслуживанию киносьемочной техники. Писать сатирическую прозу и стихи начал в тридцать с небольшим, публиковаться – с 1979 года. В середине 80-х познакомился с группой молодых литераторов, создавших наделавший много шума в столице клуб «Поэзия». В 90-е годы редактировал иронический журнал «Магазин», учрежденный Михаилом Жванецким. На протяжении нескольких лет еженедельно появлялся на телеэкране в образе «поэта-правдоруба» в программах Виктора Шендеровича «Итого» и «Бесплатный сыр». В настоящее время выступает с авторскими рубриками в «Газете» и «Новой газете» и сотрудничает с программой «Плавленный сырок» на радиостанции «Эхо Москвы».

разместил одно свое стихотворение на сайте «Комитета-2008». Связанное с Бесланом.

Трудно любить того, кто весь в белом

– **У вас много стихов посвящено друзьям, по чьим именам человек сведущий в литературе и искусстве может составить представление о том, кто вы. Но и вам посвятил стихотворение такой безусловно порядочный человек, каковым являлся Булат Окуджава.**

– Да, стихи называются «Гоп со смыком». В общем, это не вершина творчества Булата Шалвовича, если следовать исторической справедливости, но ведь и я не входил в число самых близких его друзей... Но мне было безумно приятно, когда он прочел их на вечере «Литературной газеты», где так называемые молодые поэты, вроде меня, Пригова, Рубинштейна, Кирилова и Гандлевского, выступали вперемежку со «старой гвардией» – Чичибабыным, Левитанским, Жигулиным, Соколовым... Видите, никого из них уже нет... Окуджава эти стихи тогда прочел и совершенно неожиданно их мне посвятил. Конечно, я был тогда на вершине блаженства. Потому что для меня он был человеком, по которому я все время часы сверял.

– **А есть сейчас живые и здравствующие люди, не вызывающие у вас желания написать...**

– Гадость? (Смеется.)

– **Скажем так: стихи с некоторым процентом содержания гадости.**

– Много таких. Не такая уж я поливальная машина.

– **Наверняка среди них и члены «Комитета-2008». Что вас туда занесло? Кто-то позвал или сам пришел? И есть ли там люди, к которым вы можете обращаться на «ты» и с доброй улыбкой?**

– Неохота сдавать товарища, но, может, оно и к лучшему... Затащил меня в этот комитет Витя Шендерович. Буквально за руку, потому что ему хотелось, чтобы там было как можно меньше профессиональных говорунов и как можно больше людей, не впрямую политикой занимающихся. Одним из них оказался я. О чем не жалею. Хотя с грустью вынужден признать, что многое из того, что там обсуждается, мне просто не по уму. Это не самое мое любимое времяпрепровождение – скорее гражданская повинность. Это не мой круг, но безусловную симпатию там у меня вызывает Явлинский. Фигура драматическая, если не сказать трагическая. Он упрям и амбициозен, но, безусловно, честен. Генерал, которого бросает армия, не может не вызывать глубокого сочувствия. Его обвинили в том, что он чего-то не сделал, но все, кто пытался или вынужден был что-то сделать, оказались в дерьме. А Гриша остался один, зато весь в белом. За что

его не любят бывшие товарищи по борьбе. И за что люблю я.

– **Выходит, сегодня классическое «вы нас черненькими полюбите – бельничками нас каждый полюбит» нуждается в корректировке.**

– Да, сегодня наибольшую ненависть вызывают «люди в белом».

– **Есть среди политиков – не только правых – люди с хорошим чувством юмора?**

– Полно. Почти все. Политики циничны, а юмор и цинизм если не близнецы-братья, то родственники. Юмор Жириновского стал давно притчей во языцех. Юмор Черномырдина. У Путина, кстати, развитое чувство юмора. Черного.

– **Много лет назад мне пришлось в Одессе сидеть в очень хорошем застолье, где все люди вам близко знакомы, со многими вы дружите, посему обойдемся без имен. И, проржав три часа и толком не успев поесть, я, придя домой, себя почувствовал как будто повернутому через мясорубку. Все болело. И душу точно отшибло... Вы не задумывались над тем, что юмор может быть не только лекарством, но и способом нанести удар по самому святому, что в нас есть?**

– Все зависит, как и в случае с лекарствами и алкоголем, от дозировки и концентрации. И просто уместности... Нет, истинным ценностям юмор не страшен. Может, он что-то попросту немного приспускает на грешную землю. И – тут я вернусь к началу разговора – есть круг понятий, над которыми язык просто не повернется подуть. А у кого повернется – значит, ему чувство юмора отказывает. Если я читаю в очень уважаемой мною respectable газете заголовок к статье о взрыве двух самолетов «Небо. Девушка. Туалет» – если помните, шахидки взорвали бомбы, запершись в туалетных кабинках, – ну, что же, для меня это признак моральной инвазивности журналиста. Равно как и заголовки – в той же газете – к некрологу кинорежиссеру Росточкому «Не дожил до понедельника», с якобы тонким намеком на то, что старик умер в субботу... К сожалению, это в характере многих людей другой, не нашей генерации. Они подобное себе позволяют, увы, не только в заголовках к газетным заметкам, но и в отношениях с людьми, друг с другом. Флаг им в руки, но это уже не чувство юмора, а свинство.

– **Последний вопрос. Какое самое счастливое для вас место на земле, где можно спрятаться от свинства, идиотизма и всего прочего, что вас раздражает, но что вам приходится каждый день воспевать в стихах?**

– Может, пошло прозвучит, но, похоже, это Фирсановка, где мы некоторое время назад с женой, тоже, кстати, журналисткой, Аллой Боссарт, построили дом. Скромный, зато уютный. Сад у нас там. Вот яблочек в выходные набрали. Хочешь, Миша, яблочко?..